Н. БЕЛОУС

Библиотека военной книги
Советский воин

Фашистские дубли

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

СОДЕРЖАНИЕ: Впереди пограничных застав. Разведчик морских глубин. У послушного руля. Счастливого плавания!

•

m
СОВЕТСКИЙ ВОИН
Николай БЕЛОУС
ФЛОТСКИЕ БУДНИ
Очерки•
№ 5 (432) 1962
Главное Политическое Управление Советской Армии и Военно-Морского Флота

Николай Григорбезич- Белоус родился в 1922 году в Недригай-ло'вском районе Сумской области.

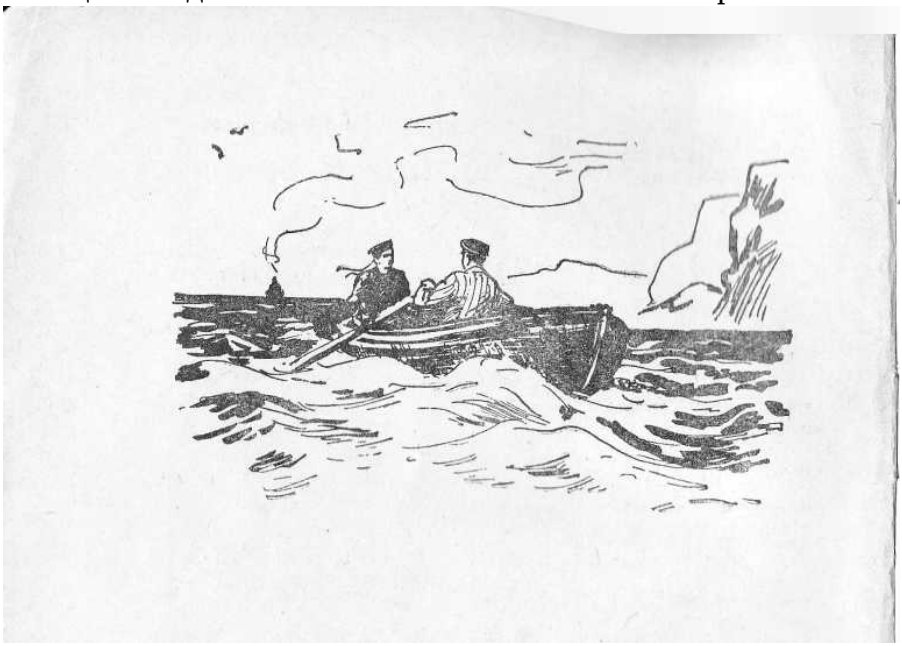
После окончания средней школы был призван во флот. Служил матросом-радистом на кораблях и в частях Черноморского флота, в дни Отечественной войны участвовал в обороне городов Николаева,

Севастополя, Новороссийска. После Отечественной войны окончил высшее военно-морское училище, служил офицером на

тральщиках Краснознаменного Балтийского флота.

Сейчас капитан 3 ранга Н. Белоус — военный журналист. В качестве специального корреспондента военных газет и журналов он неоднократно бывал у моряков Заполярья, Камчатки, Приморья, участвовал во многих походах подводных лодок и надводных кораблей. Дважды ходил он- в учебные плавания из Балтики в Черное море, вокруг Европы. „

Рассказы и очерки Н Белоуса печатаются в центральной военной печати и во флотских газетах. Некоторые из них вошли в коллективные сборники. В i960 году Воениздаг выпустил его **книгу** «Тяжелый урок». Сборник очерков «Флотские будни» посвящен сегодняшней жизни советских военных моряков.



ВПЕРЕДИ ПОГРАНИЧНЫХ ЗАСГЛВ

Видавшая виды дребезжащая полуторка, взвизгнув тормозами, сделала последний крутой поворот и понеслась вниз по ровной, хорошо укатанной дороге. Впереди, между сжал, играла бликами, серебрилась под солнцем узенькая нежно голубая лента залива — дорога в океан.

Матросы, сидевшие в кузове, оживились. Кто-то неокрепшим тенорком затянул песню. Г.го подпер

жали. Молодые здоровые парни дружно выдохнули слова припева:

Эх, соленая вода,

Ветер на просторе-е..,

Машина резко затормозила у хозяйственного причала—- небольшого дощатого настила, кончавшегося толстым,

покореженным бревном. Приехавшие моряки прыгали на землю и, размяв затекшие ноги, размещались на обочине. Туго набитые вещевые мешки сложили чуть повыше дороги, у низкорослой курчавой березки.

— Пойдете на буксире! —■ Сопровождавший матросов мичман повел рукой в сторону дымившего у пирса суденышка. На грязном, с царапинами и вмятинами борту резко выделялась своей белизной крупная цифра «101». Буксир как раз и был той самой «оказией», которую моряки-радисты, назначенные служить на отдаленные посты наблюдения, ожидали вот уже несколько дней.

Мичман ушел к капитану буксира, а ребята, закурив, отдыхали на мягком ковре из мха и травы. Говорили о предстоящей жизни на далеких, затерявшихся в безлюдной тундре постах. Добрым словом вспомнили учебный отряд, где их, только что призванных -на военную службу, сделали матросами и радистами.

Да, скоро в путь. Несколько дней будет пыхтеть старый неуклюжий буксир, развозя людей и грузы по точкам пустынного побережья. А сейчас к причалу все подходили и подходили машины, доставляя горы всевозможного добра. Были тут мешки с продовольствием, обмундированием, цементом, ящики с какой-

I*

а

то аппаратурой, аккумуляторы, катушки проводов. Матросы из команды погрузки — их было всего три человека, — кряхтя, сгибаясь под тяжестью нош, медленно перетаскивали грузы на буксир. Бросив мешки в трюм, они с тревогой посматривали на вершины голых скалистых сопок, где собирались курчаво-дымчатые шапки туч.

От группы оживленно беседующих радистов отделился невысокого роста паренек,Плечи у него квадратные, подбородок чуть раздвоенный, брови вразлет, а глаза — большие, серые и чуть-чуть удивленные.

— Подсобим, ребята, «грузчикам»! — предложил он.

—- Брось, Костя! — пробасил его товарищ Федор Кислицын, —Не наше это дело. Мы — пассажиры. Успеем еще хлебнуть горя на этой лайбе.

— Как это «не наше»?—вскинул брови Константин Гордиенко. — Очень даже наше!

Матрос снял бушлат, аккуратно устроил его па придорожный кустик, затем бросил на бушлат бескозырку. Не спеша, вразвалочку зашагал к трапу буксира.

— Руку сорвешь, чудак! — услышал Костя бро

шенное кем-то вдогонку. Раздался за спиной одинокий смешок. А потом тот же голос добавил: Ради

сту больше трех килограммов поднимать не положено!

Гордиенко тем временем подошел к матросам, занимавшимся погрузкой, широко улыбнулся, спросил:

; — Берете в свою артель? • '

— Давай, давай! — ответил Косте старшина 2 статьи.— И дружков своих приглашай.

— Собираются!:—уверенно ответил Костя, бросив взгляд на группу радистов, над которой по-прежнему вился ровный дымок от папирос. Матрос взвалил на спину тяжелый мешок с цементом и уверенно ступил на шаткие, гнущиеся доски трапа,.

Возвращаясь с буксира на пирс, Гордиенко с радостью заметил, что от группы куривших " радистов отделился Федор Кислицын. Затем не выдержал второй, третий... Последним взялся за тюки с грузом матрос, остривший насчет опасности «сорвать» руку.

Начал моросить дождик. «Навались! Навались!» — слышались веселые голоса. Разгоряченные, с влажными лицами, люди быстро преодолевали расстояние от пирса до буксира. В трюме, кубрике, в ходовой рубке, укладывались грузы. Боцман со своими помощниками тут же надежно крепил их —знал, от океана поблажек не будет.

Когда Костя Гордиенко бережно опустил последний: аккумулятор, а затем, отбросив со лба прядь мокрых волос, выпрямился, на палубе не было ни души. Дождь лил словно из ведра. Прыгая через лужи, матрос добежал до кустика, взял промокший бушлат, надел бескозырку и медленно пошел' под навес. На душе было светло и радостно.

Трое штормовых суток провел Константин Гордиенко на «Сто первом». Посерел, осунулся. Почти совершенно ничего не ел из-за проклятой качки. Бывали, правда, минуты затишья — казалось, уставал океан. Тогда-то доставал радист из кармана сухарик, торопливо жевал его—-вот и вся пища. Но зато в минуты тревоги, когда начинали метаться по палубе, сорванные-волной грузы, Костя первым поднимался со своего рундука и, карабкаясь вверх по трапу, спешил навстречу опасности. Вслед за ним поднимались и другие радисты. Возвращались они промокшие, иной раз в синяках, ссадинах, и снова валились на рундуки.

Наступил рассвет четвертого дня. С мостика прибежал в кубрик сигнальщик.

— Кто на Гранитный Утес?

— Есть, матрос Гордиенко!

— Собирайтесь, подходим...

Но подойти к берегу было невозможно. Рейд Г ракитного — подводные камни, течения. Здесь только маленькой шлюпке с трудом удастся проскользнуть между бурунами. Костя, выбрав удобный момент, прыгнул с невысокого борта буксира. «Двойка» закачалась, черпанула левым бортом воду. Радист смутился— вот, мол, какой неуклюжий. Но сидящий на веслах пожилой моряк в ватнике подбодрил новичка:

— Ничего, ничего. Принимай груз!

Хрипловатым протяжным гудком простился «Сто

первый» с Гранитным Утесом. Оставив над рейдом шапку черного дыма, пошел вдоль берега. А к повисшим над водой серым скалам медленно приближалась крохотная шлюпка с двумя моряками. Сидевший па веслах начальник наблюдательного поста мичман Голиков молча жевал кончик пшеничного уса и напряженно следил за бурунами и водоворотами. Зазевайся он на миг — тут же закружит шлюпку, перевернет, ударит о камни. Когда приблизились к берегу, мичман, проскочив между двух валунов, направил нос шлюпки к узенькой песчаной полоске и коротко приказал:

— Прыгай! — А потом уже спокойно добавил: — б

Вытягивай шлюпку подальше, может разбить накатом.

Земля! Нет, на этот раз она не была твердой и прочной, не была той надежной опорой, какой знал ее Костя с самого раннего детства. Сейчас, после трудного плавания в океане, гранитные глыбы уходили из-под ног, поминутно куда-то проваливались. Но матрос знал — последствия качки скоро пройдут. Он старался не отставать от мичмана, который, взвалив на плечи тяжелый мешок, не по летам легко шагал по каменистой тропе, взбираясь на вершину Утеса.

Вид с поста — дух захватывает. Словно покоренный великан, плещется у ног океан. Над самой головой проносятся облака — белые, мягкие, словно вата. А повернешься спиной к океану — чаруют взгляд горные вершины, острые и пологие. У многих причудливые формы, горы напоминают животных, птиц, сказочные дворцы.

К новому радисту подошел мичман. Уселся рядышком — он теперь в кителе с надраенными до блеска пуговицами и тремя рядами орденских планок. Константин разглядел: к светлым, пшеничного цвета, усам сбегают глубокие морщины. Обветренные, потрескавшиеся до крови губы. На щеках видны красноватые прожилки.

— Будем знакомиться, — говорит мичман. — Иван Тарасович Голиков.

Костя рассказывает о себе: образование семь классов,

окончил школу механизаторов, работал на целине трактористом и комбайнером. Там *в* кандидаты партии вступил, там наградили медалью «За трудовую доблесть». А теперь вот на флоте... Костя чуть-чуть

нахмурился при этих словах, взгляд серых глаз его потускнел.

Морская служба у молодого целинника началась плохо. В учебном отряде определили его в радисты. С утра до позднего вечера, на занятиях и тренировках добросовестно просиживал он в классе за телеграфным ключом, старался принять все передачи. Но, несмотря на старания, во время очередной контрольной работы делал больше ошибок, чем все остальные.

Как-то старшина 2 статьи, только что назначенный инструктором смены, поднял над головой бланк Кости, испещренный красными пометками, и перед всем отделением сказал:

. — Стыдно, матрос Гордиенко. Всю смену назад тянете!

Это были для Кости тяжелые минуты. Кровь отлила от головы, рук, шеи. Ноги сделались непослушными. Во рту пересохло. Хотел сказать что-то — не смог. Произошло самое страшное, то, чего он боялся больше всего на свете, — его, коммуниста, упрекнули в том, что он плохо выполняет свой долг.

В совхозе ему всегда было ясно, что нужно делать и как. А здесь... Костя всеми силами души ненавидел «морзянку», которая никак ему не давалась. Ненавидел, но заставлял себя снова и снова надевать наушники, и брать в руки карандаш. Гордиенко не пропускал ни одной дополнительной тренировки. Больше того, он упросил своего друга Федора Кислицына, чтобы тот передавал ему тренировочный текст. И все равно ничего не помогало. Бланки принятых Костей «радиограмм» по-прежнему пестрели ошибками, исправленными красным карандашом. Наконец, у Кнс-8 лицына лопнуло терпение и он отказался заниматься с радистом-неудачником.

— Брось переживать, добродушным баском утешал Федя своего товарища. — Медведь на ухо наступил •— разве твоя это вина?

После Кислицына Костя нашел себе нового «тренера». Он по-прежнему изводил себя занятиями сверх вейкой нормы, но результаты оставались плачевными. Пошел, наконец, к командиру роты, попросил послать на самую трудную работу — кочегаром, водолазом, грузчиком. '

Офицер внимательно выслушал матроса, потом сел за ключ и, сказав: «Принимайте!», передал несколько «радиограмм». Под конец расспросил о работе в совхозе. И лишь после этого сказал:

— Вы еще станете хорошим радистом, мое вам слово. Что

трудно дается — на всю жизнь закрепляется!

Станете радистом... А сколько будет длиться это проклятое отставание?

После беседы с командиром роты больше не упрекали матроса Гордиенко. Но от этого было еще больнее, еще тревожнее на душе. Пусть бы хоть говорили, что ты ничего не стоишь, а то молчат, отводят при встрече глаза. И не раз, отчитываясь перед собой за прошедший день, матрос откровенно признавался: «Эх ты, Константин Макарович. Просился в партию, клялся быть везде первым, выполнять программу н устав, а теперь никакой от тебя пользы».

Кое-как, по третьему разряду, окончил Гордиенко учебный отряд. И вот он на отдаленном посту. ■

Старый мичман слушал внимательно, а когда Гор-2 Зак 59

диен ко замолчал, покачал 'Неопределенно головой, затем взглянул на радиста прищуренными глазами.

— Для учебы у «ас «а посту обстановка не совсем подходящая...

— Не беспокойтесь, товарищ мичман,— сказал Костя упрямо. — Теперь-то я как раз и не собираюсь отступать. Здесь, на посту, и стану радистом первого класса!

Мичман недоверчиво улыбнулся.

— Здесь это будет во много раз труднее, чем в учебном отряде.

■— Ну что ж, думаю, все же одолею.

Голиков поднялся. Он больше не щурил глаза, не жевал кончик уса. Даже лучи морщинок, бегущих к вискам, распрямились.

— Вот это и хотелось услышать.

Трудно входить в новую семью, трудно начинать жизнь на новом месте. Непривычно было и на этой отполированной ветрами и непогодами скале, в этом бревенчатом домике, наполовину скрытом в искусственном гранитном котловане. До самых ближайших населенных пунктов — десятки и сотни километров через непроходимые горы и овраги безлюдной тундры. Каждый день с утра до вечера на утесе одни и те же лица, одни и те же голоса...

Письма в этот далекий уголок тундры приходят не скоро. Раз в месяц бывает оказия — буксир. Это в лучшем случае. Когда же разыграются зимние штормы— можно и целых три месяца просидеть без почты, ни одна живая душа не покажется вблизи неприветливых скал.

В первый же день обошел Костя окрестности своих «владений». Видел везде одно и то же — серый, ис-10 кусно

отполированный гранит, у основания камней — мох. И только в одном месте, в трещине огромного валуна, приютилась открытая всем ветрам чахлая одинокая березка.

Костя осмотрел березку, потрогал ее искривленный, с утолщениями ствол. Ветки, словно суставы, пораженные ревматизмом. Землю из трещины почти полностью вымело ветрами. Непонятно, на чем еще держалось, чем питалось бедное растение? Заговорил об этом за ужином. Смуглый, со сросшимися у переносицы бровями Виталий Журавлев, зевнув, сказал угрюмо:

— Чудо природы!

Долго не мог уснуть Гордиенко в свою первую ночь на Гранитном Утесе—на одной из крайних точек нашей необъятной Отчизны. Вспоминал отца, мать, друзей — комсомольцев из целинного совхоза. Это они говорили Константину Гордиенко, рекомендуя его в кандидаты партии: «С тебя начнем, ты среди нас самый достойный». Как же снова найти себя, как стать достойным человеком и здесь, в воинском коллективе?

В семь утра новичок-радист вскочил, словно его кто толкнул в бок. Койка мичмана была пуста — поднялся, видно, на вышку. А все остальные спали. Отбросив одеяло, Костя сделал несколько энергичных движений руками и громко сказал:

— Подъем, ребята!

В комнате никто не шевельнулся. Только Журавлев неохотно открыл глаза:,

— Ты что, рехнулся?

— Распорядок есть распорядок, — ответил Гордиенко.— Для всех.

Он встал на табурет, открыл форточку, впустив в

комнату вместе со свежим воздухом запах, моря и рокот волн. Сделав физзарядку, растопил плиту, поставил на нее чайник. Затем надел наушники и включил радиоприемник. Рука проворно забегала по бумаге: радист, сокращая слова и. предложения, записывал последние известия — далекая Москва передавала обзор «Правды».

Завтрак прошел в молчании — матросы косо поглядывали на новичка, удивившего всех своим рвением в службе. Но Костя словно бы и не замечал этих взглядов. Коротко рассказал о событиях на Большой земле, а затем достал из вещевого мешка телеграфный ключ и наушники, полученные от командира роты в учебном отряде, и тут же начал монтировать приемо-передаточное устройство.

Мичман, заходивший несколько раз в комнату, придирчиво осматривал схему, вычерченную на листке, трогал пайку, приговаривал:

— Ну, давай, давай!

За час до обеда Гордиенко сел к столу, нажал несколько раз ключ, словно беря тон на клавишах, затем начал медленную, плавную передачу текста учебной радиограммы.

С тех пор так и повелось: три раза в день надевал Костя наушники. Один раз принимал циркулярную передачу по флоту — учебно-тренировочный текст для всех, радистов, а остальные два раза принимал радиограммы от мичмана, четырнадцать лет прослужив шето радистом на крейсере.

И что бы ни случалось на посту — дул ли ветер, от которого скрипел, шатаясь, весь домик, лил ли про л иеной дождь и вода, не успевая уходить из, котлована, затапливала «палубу» скромного матросского] 2

жилья или если даже все, высыпав на утес, ожидали оказию с Большой земли, матрос Гордиенко начинал занятия точно в установленное время. Минута в минуту. Никогда не опаздывал. Вообще, был он человеком точным от побудки и до отбоя.

Журавлев посмеивался. «Ничего, — говорил он,— помордует себя еще немного, а потом бросит вырабатывать характер. Тоже еще, Алеша Птицын нашелся!»

Часто Костя тренировался па’вечерам. Все отдыхают, а он уединится и начинает: «ти-та-та». Тогда подходил к нему мичман и говорил:

-— Зачем мучаешь себя? Все в меру нужно, а то можно сорваться, дело свое возненавидеть...

Да, Костя чувствовал иногда, что до сих пор ненавидит проклятую «морзянку», голова от нее кругом идет. Может действительно надо в меру трениро-: ваться?

Постепенно у всех ребят, которые несли службу на посту, менялось отношение к Костиным тренировкам. Морякам начинали нравиться точность товарища, его упорство, его умение жертвовать всем во имя поставленной задачи. Даже признанный скептик сигнальщик Журавлев сказал однажды без своей обычной улыбки:

— А парень-то Костя — орех! Так, запросто, не раскусишь!

Однажды мичман, щелкнув секундомером, взял бланк радиограммы, мелко исписанный матросом Гордиенко. Долго смотрел, проверял, наконец, поднялся и, выпустив изо рта кончик уса, сказал с торжественностью в голосе:

— Что ж, поздравляю. Принято на одну группу больше, чем требуется по норме Для специалиста второго класса. Ошибок нет!

Хотелось прыгать, смеяться, кричать «ура». Ведь это победа, к которой человек шел по трудной, тернистой тропе почти полтора года. Не раз внутренний голос сомнений подсекал силы. Но Костя

не сдавался, упорно воскрешая в памяти образ отца, который всегда был для него живым примером. Коммунист, фронтовик Павел Гордиенко поднимал целину. Прибыл он директором совхоза на совершенно голое место. Сколько трудностей было! Но у него, выполнявшего волю партии, даже не шевельнулась мысль о том, чтобы сдаться, отступить. И ведь победили целинники, выстояли. Выстоял теперь и Костя-—сын коммуниста, сам коммунист.

В длинные месяцы трудных и настойчивых тренировок появилось у него то, что спортсмены называют «вторым дыханием». Бывает так: бежит человек, совсем из сил выбился, вот-вот свалится, дышать нечем. Но напряжет, кажется, последнюю волю. И вдруг дышать становится легче, исчезает горечь во рту, откуда-то появляются новые силы. Вот такое «второе дыхание» родилось и у радиста Гордиенко. А почувствовав его, он уверенно пошел к победному финишу.

Трудно жить на посту зимой. Вокруг белым-бело. Березка, которую Костя пересадил к самому домику, уже давно скрылась под снегом. Вокруг ни человечьего, ни звериного следа. Только метель да ветер.

Захандрил Журавлев. С последней оказией, месяца два тому назад, получил парень письмо неладное. «Зина и здороваться скоро перестанет», — писала мать. Почему изменилась Зина, в письме не говорилось, но парень затосковал.

— Сидим здесь, словно отшельники, —начал вор-чать Виталий. — И никому нет до нас дела.

— Ну, это ты зря,.— Гордиенко пытался говорить как можно проще, доходчивее. — Мы' с тобой, друг, несем вахту на самом краю Родины. А это большая честь. Ведь впереди у нас нет даже пограничных застав. Мы, океан и — чужая сторона. О нас не только наше начальство, вся страна, весь народ знает и думает.

Как-то Журавлев подсел к Гордиенко, взял наушники.

— Трудно научиться? — спросил он.—Я морзянку немного знаю, световые сигналы принимаю.

— В таком случае совсем просто.

А вечером коммунист Голиков открыл собрание личного состава. Обсуждали предложения Гордиенко и Журавлева: «Добиться, чтобы весь личный состав поста подготовился к получению высокой классности по двум специальностям — основной и смежной». Поговорили, поспорили и решили дружно браться за дело...

Третьи сутки бушевала метель. Стонал и гудел в дикой злобе океан, разбиваясь белоснежной грудью о Гранитный Утес. Пост жил тревожной, напряженной жизнью. Заболел сигнальщик

Красников — температура поднялась высокая. Парень не жаловался никому, но мичман, заметив лихорадочный блеск в глазах, взял руку сигнальщика, нащупал пульс и коротко, тоном, не терпящим возражений, определил:

— В постель!

Тогда с койки поднялся Гордиенко. Достал сапоги, полушубок.

— Ты куда?

— На сигнальную вахту. Зачет сдал...

— Верно, — обрадовался Голиков. — Иди, тренируйся. Сигнальщику нужна проверка в деле.

Вахта Гордиенко прошла благополучно. Тревогу объявил Журавлев па рассвете. «Какое-то крохотное суденышко, видимо, терпит бедствие, — докладывал он. — Находится в опасной зоне. Начнется отлив — в щепки разлетится на камнях».

Когда улучшилась видимость, рассмотрели огни: «Судно не управляемо».,

— Да это же наш «Сто первый»! — крикнул кто-то.

■ Связались с буксиром. Он уже прочно засел между камнями. Вода быстро убывала, и теперь «Сто первый», выброшенный штормовым океаном на скалы, отделяла от суши полоса воды шириной метров в двести— триста. Буксир накренился, волны продолжали бить его бортом о камни.

«На борту больная женщина», — сообщил капитан буксира.

— Да, на шлюпке здесь не добраться,—определил мичман, о чем-то думая.

Константин Гордиенко поправил шапку, подтянул ремень, затем сунул руку под капковый бушлат.

— Товарищ мичман, вот моя кандидатская карточка. Разрешите идти? — спокойно спросил он.

Виталий Журавлев протянул свой комсомольский билет.

— Да, да, торопитесь, ребята, — мичман бережно спрятал документы. — Не забывайте страховать друг друга! — крикнул он вдогонку.

Двести—двести пятьдесят метров. Воды по ко лено. Казалось бы, немного нужно времени, чтобы.

пройти такое расстояние. Но сейчас, когда ледяная вода обжигает ноги, каждая секунда кажется вечностью. Спотыкаясь о скользкие камни, матросы пробираются к буксиру. Дальше — глубже. Ледяные струйки, забираясь под бушлат, змеями ползут по груди, подбираются к горлу, останавливают дыхание.

Затем обратный путь. Костя тащит на спине больную женщину. Журавлеву легче — у него на плечах шестилетний крепыш. За матросами шаг в шаг следует команда буксира. Здесь

надо быть хорошим проводником: отступишь и сразу же рядом с каменной грядой — пропасть. Моряки, с поста идут уверенно — промерили в свободное время каждый метр, ведущий к Утесу.

Купание в океане для крепких, закаленных ребят обошлось благополучно. Вертолет, прилетевший с Большой земли, увез лишь случайных посетителей Утеса. И снова на крыльях ветров и метелей понеслись обычные дни, (наполненные вахтой, учебой, чтением старых, многомесячной давности,. писем.

Все ждут весны. Костя думает о том, как распустит свои нежные веточки одинокая, хрупкая березка — она пересажена этой осенью к домику на скале. И еще он ждет отпуска на Большую землю. Хочется съездить в Целинный край.

И вот яркое солнце заливает своими лучами видавший виды Утес. Все высыпали на скалы. Костя стоит у налитой соком березки, рядом чемодан. Отпускник Гордиенко волнуется, кажется, больше всех. Воскресший «Сто первый» делает сегодня свой первый рейс.

Погода словно по заказу. Море не шелохнется. Пора бы и прощаться счастливчику-отпускнику. Но

он почему-то не спешит. Подходит вдруг к Голикову:

— Пусть едет в отпуск Журавлев, ему нужнее.

Иван Тарасович смотрит на матроса добрыми, полными удивления глазами. Да, Журавлеву нужнее: у Виталия нашелся брат, пропавший в начале войны. Но ведь с отпуском Гордиенко все решено, дана заявка в штаб, наверное, и проездные документы готовы.

Костя улыбается. В ответ на доводы начальника убежденно произносит:

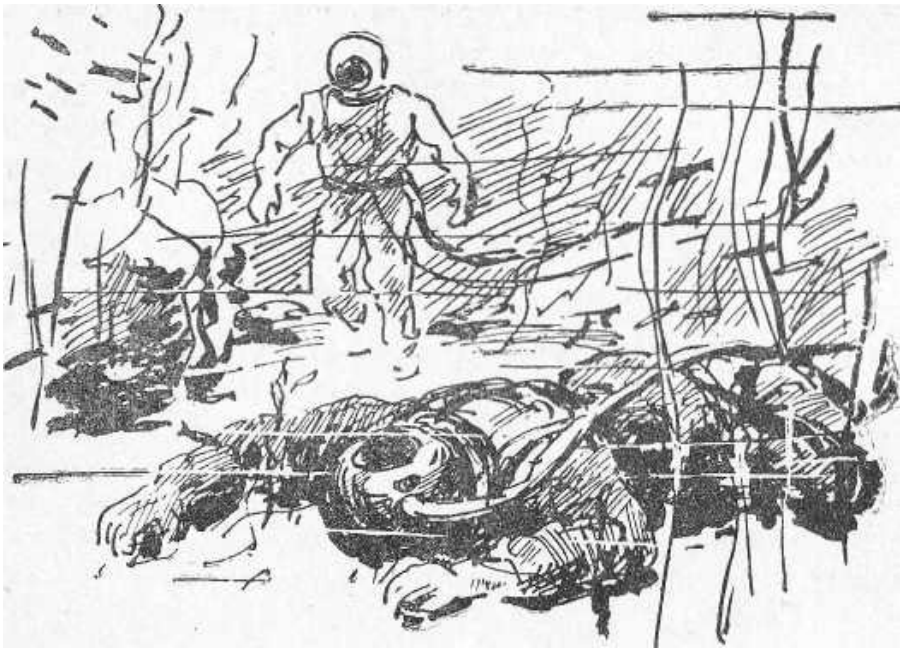
— Документы готовят люди, товарищ мичман. Наши хорошие советские люди — товарищи, друзья, братья.

Шлюпка, прыгая по волнам, идет к буксиру. Гребет мичман. Рядом Журавлев. Он кричит что-то, сложив руки рупором:

— Костя-я! Ты... а... о... я!

Слов не разобрать. Легкий весенний ветерок, поиграв веточками одинокой березки, скользнув по глыбе гранита, унес слова матроса далеко в океан.

У Кости легко на сердце. Хорошо жить для людей, для Родины.



РАЗВЕДЧИК МОРСКИХ ГЛУБИН

По влажным от дождя деревянным мосткам пробежал матрос с красной повязкой на рукаве бушлата.

— Смотрите, за Тумановым рассыльного послали! — закричали ребятишки, гонявшие у склона горы мяч. — Видно, что-то в порту случилось...

«Футболисты» притихли, глядя на раскинувшуюся внизу огромную бухту. Привыкли уже ребята к тому, что лучшего водолаза флота мичмана Туманова

срочно вызывают на катер лишь в тех случаях, когда где-либо «а море случается беда. .

Минут через десять на. крыльце невысокого домика показался Анатолий Иванович Туманов. На ходу застегивая шинель, приблизился он к гурьбе любопытных малышей, отыскал среди них своего трехлетнего Вовку, потрепал по раскрасневшимся щекам:

— Ну, будь здоров, сынок! — и, словно со взрослым, простился за руку.

За многолетнюю тревожную жизнь привык водолаз к любым вызовам, к любым заданиям. Сколько раз подстерегали его опасности, сколько раз рисковал он жизнью! И все-таки не разлюбил моряк свою опасную профессию. Крепко привязался он к неласковому северному морю.

Шагая через лужи к пирсу, где тихонько покачивались мачты спасательных судов, Туманов продолжал разговор с рассыльным:

— Так что же там обнаружили, у причала?

— Я толком не понял, товарищ мичман. Говорят какая-то взрывчатка. И что главное — в том самом месте, где корабли бросают якоря. Все могло на воздух взлететь!

На катере ждали Туманова. Матросы подали ему одежду, приготовили снаряжение. Молодой водолаз Павел Рудой в десятый раз начал рассказ о том, как он во время тренировочного. спуска оступился, как свинцовая подошва башмака погрузилась в ил, а затем скользнула по металлу. Что бы это могло быть? Наклонился матрос, приподнял находку — снаряд. Большущий!

Мичман начал расспрашивать матроса о боезапасе— какой примерно калибр, в каком он расстоя-20

нии от пирса, наши это, отечественные снаряды или иностранные и сколько их. Молодой водолаз замигал от удивления — разве можно все это установить, разве до того ему было, когда понял, что под ногами смертоносный груз! Срочно наверх...

—- Эх, ты! — послышалось вдруг. Это кто-то из старослужащих укорял рассказчика. — Струсил!

— Вовсе не струсил, — возразил было матрос. Но тут же осекся, покраснел.

Мичман нахмурился, строгим взглядом окинул группу моряков, окруживших водолаза.

-— Это почему же вы считаете, что человек испугался? Молодой специалист допустил небольшую ошибку. Со всяким может такое случиться.

-— Разрешите исправить ошибку?

Матрос с таким решительным видом шапнул к мичману, с такой надеждой смотрел на старшего товарища, что сразу же стало ясно —нет больше места страху в сердце юного водолаза.

Очень захотелось мичману положить иа плечо Павлу Рудому руку и тихо сказать: «В добрый час, Паша, иди...» Но Туманов ничего не ответил. Он лишь вопросительно взглянул на стоявшего чуть в стороне офицера. «Разрешите, товарищ капитан второго ранга?..» Да, надо бы пустить паренька под воду, чтобы оправдался в глазах друзей, чтобы в себя поверил-. Но рано молодому идти на столь ответственное задание, рано, не готов еще. И офицер повернулся к мичману:

— Пока что, кроме вас, Анатолий Иванович, не вижу другой кандидатуры.

Туманов на минуту задумался. То, что сказал офицер, было и похвалой и укором. Приятно, конечно, что

капитан 2 ранга высоко ценит личную выучку моряка-коммуниста, доверяет ему опасное задание. Но внутренний голос укорял Анатолия Ивановича: «А ведь это ты виноват, что в группе

нет водолазов, которым любая задача по плечу. Надо быстрее готовить молодежь, больше ей доверять».

Мичман медленно спустился по трапу, скрылся под водой...

Сослуживцы говорят, что Анатолий Иванович обладает каким-то особым чутьем, особым умением ориентироваться на глубине. Без приборов, без проводников выбирает он нужное направление. Так было и на этот раз — остановился, осмотрелся, затем сделал два — три шага и увидел снаряд. Осторожно... Может быть, взведен ударник... Мичман присматривается к снаряду, ощупывает его рукой и облегченно вздыхает. Сразу исчезло напряжение — боезапас оказался практическим!

И вот уже Туманов сидит на палубе катера возле извлеченных со дна моря учебных снарядов. На матроса, поднявшего ложную тревогу, смотрит с доброй, понимающей улыбкой. «С кем не бывает», — как бы говорят глаза мичмана. И ветеран тут же начинает рассказывать о случае, свидетелем которого он был в годы своей флотской юности.

Как-то водолазы осматривали затонувшую в годы войны баржу. Все шло хорошо. Вдруг ветер изменил направление. Разыгралась волна, стала бить в борт. Решили свернуть-работы, дали сигнал к подъему. А чтобы подняться с большой глубины, сами знаете, нужно время. Заторопились под водой ребята. Опытный специалист, Федором его звали, оступился и, па-

дая, ударился грудью. Сознание потерял, перестал отвечать на вызов.

Следом за опытным водолазом шел ученик. Невысокого мнения были о еем товарищи. Говорили некоторые: «Трусоват малость». Был случай: встретил моряк во время своего первого или второго самостоятельного спуска шарообразный металлический колпак, принял его за мину, выскочил наверх бледный-бледный. Вот и решили с тех пор, что не достает смелости пареньку.

Когда почувствовали наверху, что с Федей произошло несчастье, забеспокоились. «Кто с ним? Кто с ним?»— спрашивают. А вспомнили, что под водой водолаз, испугавшийся когда-то мины, и сразу к командиру. Добровольцы вызвались срочно идти на помощь. Но командир по-иному решил. Запросил он молодого водолаза, видит ли тот товарища, попавшего в беду? В ответ молчание. Кое-кто подумал, что бросил парень пострадавшего. А из-под воды доклад: «Поднимаемся вместе».

Матросы любят слушать Туманова. Ведь интересных рассказов у мичмана — неиссякаемый запас. Любопытно и то, что героем его историй очень часто бывает молодой водолаз-неудачник Анатолий Туманов. Однажды матросы даже спросили

Анатолия Ивановича:

— У вас, товарищ мичман, так получается: если хорошо водолаз работал—так это был кто-то другой, не вы. А если потерпел неудачу, ошибся — значит, Туманов.

— Так оно и в жизни бывает. Ведь не сразу водолаз, мастером становится. Стараться надо, опыта набираться. А еще хочу сказать, что нет людей, которые

бы. страха не знали. Только надо уметь страх перебарывать.

Однажды после такой вот беседы подошел к мичману водолаз Павел Рудой, попросил дать задание потруднее. Просто хотел еще раз проверить — сумеет ли взять'себя в руки в минуту опасности. И совсем случайно ,на долю матроса выпало вскоре серьезное испытание. Правда, произошло все <не под водой, как мечтал водолаз...

Проходя по пирсу, задумался Рудой. Вспомнил злополучную историю с учебным снарядом. И вдруг невдалеке заметил белоголового парнишку-рыболова. Вот он дернул, поднял удилище, снял с крючка рыбку. Глазенки, наверное, радостью засветились. Потом размахнулся паренек, чтобы снова забросить уди-*-лище, оступился и... полетел в воду.

— Держись! — крикнул матрос.

Перепутанный рыболов барахтался между бетонной стенкой и ошвартованным возле нее водолеем. Попытался выбраться из узкой щели —не тут-то было. Никудышным пловцом оказался мальчишка. А тут еще испуг и холод сковали тело: Ухватился за плавающее бревно и дрожит. А водолей, гонимый ветром, все приближается к стенке. Два метра, полтора..; ■: .

Матрос Рудой скинул ватник, бескозырку и бросился в узкую щель, туда, где был паренек. Холодная вода 'обожгла тело. А между судном и бетонной глыбой стенки оставалась уже узенькая полоска жизн-и. Даже не развернуться. Сталь борта давила плечо.

«Неужели все?»-ˆ- подумал Павел. Схватив мальчишку: за ворот куртки, Рудой с силой рванулся <к носу судна, туда, где Светилось--щелочкой синее-синее 24

небо. В ту же минуту позади раздался треск. Павел вздрогнул — это разлетелось в мелкие щепки бревно, за которое несколько секунд тому назад держался мальчик.

— Спасибо, дядя!.— крикнул рыболов Рудому, как только они очутились на земле, и бросился бежать.

Но о смелом, благородном поступке водолаза все же узнали. Больше всех, казалось, гордился своим молодым товарищем мичман Туманов.

— Вот видите, — говорил он радостно. — А вы в трусости человека обвиняли.

Догадывался ли мичман, что именно в тот момент., когда он теплым, участливым словом поддержал матроса, произошел .невидимый перелом в душе Павла. Рудого? Пожалуй, догадывался. Ведь Туманов знает не только глубины морей. Как воспитатель, он умеет проникать и в глубины матросских сердец. По правде сказать, мичман даже жалел, что те снаряды у пирса оказались учебными. Хорошо было бы молодым водолазам побывать в настоящем деле, испытать свое мужество... ‘

Долго ждать исполнения этого желания не пришлось. Обнаружили вскоре водолазы затопленный в годы войны небольшой военный корабль. Все на нем осталось так, как было юогда-то, в последнюю минуту жизни. Десять ящиков со снарядами, приготовленными к бою, заряженные орудия, какие-то шары, похожие на мины. Под водой рядом'с мичманом — матрос Рудой. Как он там? Кажется, неплохо. У него осторожные, четкие движения. Как и другие, молодые моряки, он действует хладнокровно, расчетливо. Коэффициент полезной работы на глубине у ребят довольно высокий. Оказывается, не только у машин

бывает КПД. Он имеется и у водолазов: один за десять минут выполнит задание, а другой возится с ним час — полтора!

-— Выйдут из них хорошие водолазы, — докладывает мичман офицеру, поднявшись на палубу.

— Что ж, ничего нет удивительного,'—улыбается капитан 2 ранга. — Ваша школа, Анатолий Иванович!

Интересна, полна романтики жизнь водолазов — смелых и сильных людей. Нужно найти площадку для строительства гидростанции на горной реке — идут водолазы. Трактор провалился под лед — снова выручают они. Не обходится иной раз без риска. Опасность частенько подстерегает глубинных саперов. Как-то оброненный случайно лом пробил скафандр мичмана, находившегося на большой, глубине. Тугой струей ударила в грудь ледяная вода. Жизнь оказалась в опасности. Выручили Самообладание, крепкая физическая закалка, мастерство.

А иногда водолазы становятся следопытами. При выполнении плановых подводных работ нашли они однажды отдельные детали обитого в годы войны советского самолета. Кто-то высказал мысль, что это машина прославленного воздушного бойца дважды Героя Советского Союза Бориса Сафонова: совпадали отдельные приметы. Много квадратных метров подводного царства исследовали глубоководники. По винтикам достали со дна моря почти весь самолет. Нет, он оказался не сафоновским, но по ранам его удалось выяснить историю гибели

еще одного героя войны.

Недавно в части справили необычный юбилей — 3000 часов под водой проработал за несколько лет службы мичман Туманов. 125 суток провел водолаз 1-го класса в мире безмолвия. А сколько еще впе-26

реди? Не в последний, наверное, раз мальчишки из дворовой футбольной команды наблюдают, как выбегает из дому мичман Туманов, садится в забрызганный грязью газик, тотчас же срывающийся с места. На этот раз машина мчится не в сторону гавани, а через горы, по дороге, ведущей к аэродрому. Через полчаса Анатолий Иванович уже смотрел из иллюминатора самолета на проплывающий внизу город, на знакомую гавань, на раскинувшуюся под крылом родную землю и думал о том новом, срочном и опасном задании, на которое снова посылала его нелегкая военная служба.

У ПОСЛУШНОГО РУЛЯ

Стоило Мише **Хрестинину** закрыть глаза, как он представлял себе маленький беспомощный парусник, гонимый ветром и волнами.

— Лево руля! — простуженным голосом командует капитан. — Так держать!

Рулевой стоит у штурвала, он словно врос в палубу.

— Есть так держать! — отвечает четко.

Это оценка из какого-то старого фильма о моряках. Миша Хрестинин, мечтая о море, почему-то вспо-**28**

мйнает именно ее. Очень хотелось юному романтику из маленькой курской, деревушки Бунино водить корабли, стоять у штурвала или. хотя бы увидеть море. Но случилось так, что пришлось идти работать учеником повара. Отец, конечно, правильно рассудил: надо кому-то и борщи варить, и вкусные пироги печь. Тем более, что семье нужны были рабочие' руки. Ничего, что пока не очень окрепшие.

Но вот наступило время призыва па военную службу. Обратился Михаил к военкому:

— Всю жизнь мечтаю служить на корабле.

Всю жизнь! И придумает же такое! Взглянул офицер на паренька, и глаза засветились улыбкой.

—, Где нужен —там и будешь служить, — строго произнес полковник.

Дрогнуло сердце у Михаила — все пропало! Но виду не, подал, четко повернулся, пошел к двери. Не видел призывник теплой улыбки старого воина, не видел, как на карточку легла ровная строка: «Воен

но-Морской Флот».

Стучали колеса вагонов, мелькали полустанки и деревушки, уносились в прошлое милые сердцу березовые рощицы и скошенные поля. Юноше казалось, что там, на суровом севере, гд,е, говорят, и летом кружатся снежные, вихри, там каждый день совершаются героические дела. А как же он, никогда не видавший моря? Выстоит ли?

Штормами, соленым ветром повеяло от затрепетавшего на плечах синего, с белыми полосочками флотского воротника. Теперь скорее бы к штурвалу, скорее бы вести корабль по вспененным волнам!

-— Кем вы работали до призыва, товарищ матрос?

Кем работал? Если сказать, что. был поваром и

даже учился в кулинарной школе,— никогда не видать штурвала, никогда не ходить по палубе корабля. Ясное дело, оставят на берегу, назначат сухопутным коком, заставят варить обеды.

•— Что же вы молчите, молодой человек? — снова спросил принимавший новичков худощавый капитан 1 ранга.

— Разнорабочим, — пролепетал Михаил. — На подсобных был... А хочу рулевым!

— Что ж, специальность боевая. Рулевым достается в походах, они у всех на виду. — Офицер, обмакнув перо в чернильницу, добавил:— И они первыми встречают в бою огонь.

Вышел матрос Хрестинин из кабинета и задумался. Вот цель близка, как никогда, а радости на душе нет. С чего бы это? Уж не

потому ли, что на кривую тропку встал, военную службу с обмана начал?

И вот Михаил решительно поворачивается, стучит в дверь кабинета, где минуту назад шел разговор.

— Товарищ командир, — тихо говорит матрос,— Я вам сказал неправду. У меня есть гражданская специальность. Повар я! Но если можно, помогите стать рулевым...

По-отцовски строго смотрел на Михаила бывалый моряк — старый рулевой линкора «Севастополь».

— Это вы верно сделали, что вернулись, сумели победить себя. В жизни хорош лишь прямой путь.

Проносились над приморским городом штормовые вихри; громыхая цепями, корабли бросали на рейде якоря, а ладонь Хрестинина еще ни разу не коснулась штурвала корабля. В ярко освещенном уютном 30

классе, раскрыв перед собой тетрадь, он произносил вполголоса:

— Румбом называется направление от центра видимого горизонта к любой точке окружности...

Мичмай, обучавший молодых рулевых, часто рассказывал им . о своей жизни. Четверть века прослужил он на флоте. Не удивительно, что слушали его, затаив дыхание.

— Вот вы говорите: вешки, буйки — ерунда,

дескать, надоели, пустите в море, мы там себя покажем,— начинал обычно мичман.'—И я так думал. Да потом понял: неверно это. Стоял я как-то на рулевой вахте. Дело было в сумерки. От ветерка по морю рябь шла. Вдруг вижу, в волнах шест мелькает: то покажется из воды, то спрячется. Что за черт? Ведь сигнальщик ничего о нем не докладывал. Пригляделся я и сообразил, что это притопленная нордовая веха, ограждающая отмель. Доложил об этом командиру. И команду его об изменения курса сумел выполнить мгновенно. А почему? Да потому, что сам отлично знал, куда нужно поворачивать при встрече с нордовой вехой, как уйти от опасности.

Хрестшшн учился упорно, настойчиво. Шел в штурманский кабинет, брал чертежи, описания, подсаживался к макетам корабельных устройств и долго изучал их. Как-то Михаил подошел к столу, где были разложены детали магнитного компаса. Перебрал их одну за другой. Так увлекся моряк, что даже не слышал, как появился за его спиной мичман.

-— Готовы к завтрашнему зачету, Хрестинин?—: спросил он.

— Так точно, готов! — вскочил с места молодой рулевой.

Мичман усадил моряка, сам присел на стул. Потрогал одну деталь, вторую. А потом как бы невзначай спросил:

— А какой толщины курсовая нить в магнитном компасе? Допустим, понадобится ее заменить.

Матрос пожал плечами. Он об этом не задумывался. Да и в учебнике об этом не сказано. Нс интересовался молодой рулевой и диаметром, толщиной зеркального стекла.

— Из-за незнания таких вот мелочей можно в большую беду попасть, — покачал головой мичман,,

С каждым днем убеждался. Хреетинин, что на корабле нет ни одного винтика, ни одной заклепки, ни одной детали в приборах, сделанных без строгого учета' той нагрузки, которую Им придётся выдерживать в бою. Все здесь рассчитано,, все продумано. И моряк понял: нужно вникнуть во все тонкости военно-морского дела. Ведь мало ли что может пригодиться в службе.

Стоит Михаил у стола экзаменационной комиссии. Преподаватель уже задал все необходимые вопросы, выслушал внимательно все ответы. Но он почему -то не торопится отпускать матроса, : Когда Хреетинин укладывал на столе Детали компаса; офицер обратил внимание на его мозолистые ладони. «Хороший, трудовой парень,—-подумал моряк.— Такому послушен будет штурвал». Вышел из-за стола капитан 3 ранга и, крепко пожав руку будущему рулевому, пожелал ему счастливого плавания. Радость бурной волной прилила к сердцу Михаила, словно стоял он уже на, палубе корабля и видел, манящие вдаль голубые дороги.

Вахтенный офицер подводной лодки, не торопясь, вывел в журнале: «Прибыл на корабль для дальнейшего прохождения службы матрос Хреетинин». С этого момента началась для Михаила новая жизнь.. Он знал, конечно, что встретится здесь с трудностями. И готовился к ним серьезно, ждал с нетерпением первых походов.

Первое разочарование в себе пришло довольно скоро. Как только заступал Михаил на вахту к вертикальным рулям, лодка, словно почувствовав, что ведет ее новый, недостаточно опытный-человек, начинала рыскать из стороны в сторону, уклоняясь от заданного курса. Еще труднее оказалась вахта на горизонтальных рулях. Причиной всех бед был непослушный воздушный пузырек дифферентометра. Он пред-; ставлялся матросу упрямым существом, которое издевается над людьми. Рулевой хочет погнать его влево, все больше и больше перекладывает рули в нужную, сторону, а пузырек, как назло, ползет вправо, потом вдруг покатится назад, да с такой прытью, что не знаешь, как остановить его.

Смахнет Хреетинин испарину со лба, вздохнет тяжело—руки и ноги ноют, голова начинает кружиться-—и снова за дело.

«Неужели осилит меня этот проклятый пузырек?»—думает он.

— Не надо нервничать, — раздается вдруг за спиной спокойный голос штурмана. Ведите себя свободнее, учитесь чувствовать корабль. Не давайте дифферентометру гипнотизировать себя.

На некоторое время капитан-лейтенант -брал из рук рулевого штурвал, выравнивал лодку.• В это мгновение воздушный пузырек, почувствовав, видимо, настоящего хозяина, надолго замирал. Очень обрадовался Михаил, когда и ему впервые удалось одержать победу — лодка пошла словно «по шнурочку».

Так приходило к Михаилу мастерство. А вместе с ним было завоевано и звание классного специалиста. И чем больше матрос узнавал, тем интереснее и увлекательнее казались еще не решенные вопросы. Как вести лодку при различной плотности воды? И что в данном случае зависит от рулевого? Много читал, много спрашивал, но ответы обязательно находил. А найдя ответы, спешил рассказать о них товарищ щам-рулевым. Те вначале не особенно охотно слушали друга. И без этого много занятий, тренировок. Но Хрестинин умел увлечь людей, пробудить в них любознательность. И вот через некоторое время, изучая устройство лодки, матросы уже все вместе залезали в трюм, ползали там, отыскивая нужные магистрали.

■— В группе рулевых Хрестинин — готовый командир отделения! — доложил командиру боевой части старшина команды. Офицер был такого же мнения. И Михаил стал вскоре старшиной. Прибавилось с того момента еще больше забот. Занятия, тренировки, разборы.

— Да вы из нас инженеров хотите сделать, — заметил как-то молодой матрос.

— Инженером, возможно, вы не будете, а стать хорошим рулевым обязаны!

Нарушил однажды инструкцию довольно опытный рулевой-сигнальщик. Во время вахты решил научить управлять рулем одного из своих товарищей. И, никого не предупредив, не получив разрешения 34 вахтенного офицера, передал штурвал своему другу. Корабль сразу же уклонился от заданного курса влево, потом резко покатился вправо.

Прибежав в центральный пост, старшина Хрестинин сразу же приказал опытному матросу самому встать на вахту у руля. Хотел было тут же отчитать подчиненного, а то и наказать, но вспомнил, что горячность— плохой советчик для командира.

Конечно, моряк допустил серьезное нарушение. На корабле, особенно подводном, это недопустимо. Но ведь матрос руководствовался благими намерениями, стремясь обучить

товарища смежной специальности. Надо было проявить определенный такт, внимательно отнестись к человеку. Командир отделения долго беседовал с моряком после возвращения в базу, разъяснял значение дисциплины в походе, а особенно на вахте. И подобные случаи в отделении никогда больше не повторялись.

Постепенно, шаг за шагом, шли рулевые к успехам. И наконец добились своего: отделение старшины 1 статьи стало отличным, оно полностью состоит теперь из классных специалистов, занимает второе место по флоту.

На партийном собрании, обсуждая заявление Хре-стинина с просьбой принять его кандидатом в члены КПСС, коммунист, командир корабля говорил о старшине:

— Хрестинин никогда не довольствуется достигнутым, неустанно стремится вперед, увлекает за собой остальных. Вношу предложение принять его кандидатом в члены партии!

Это предложение было принято единогласно.

Всю ночь бушевал безбрежный холмистый океан. Не стих шторм и на рассвете, когда на сигнальную вахту заступил лучший сигнальщик корабля коммунист Хреетинин. С трудом удерживаясь на ногах, Мй-' хайл внимательно осматривал горизонт. Устали глаза. Хотелось отвернуться от надоедливого ветра и соленых брызг. Но не таков Хреетинин. Понадобится — он не четыре часа, а все сутки простоит, не покидая мостика, не сомкнув глаз.

Но вот далеко-далеко, там, где исчезает грань между океаном и небом, промелькнула в разрывах облаков точка. Четким привычным движением старшина вскидывает к глазам бинокль.

-— Самолет, левый борт...

Срочное погружение! . Проходят - считанные минуты — и Хреетинин спокойно ведет лодку на глубине. А шторм, кажется, усиливается...

Сменившись с вахты, Михаил направился в четвертый отсек. Заглянул по дороге к радистам—-узнать о событиях на Большой земле. Ноет от усталости-спина, слезятся глаза после вахты на мостике. Присесть бы старшине на койку, вздремнуть, позабыв о делах.:

— С коком беда, донеслось вдруг до - его слуха. — Умаялся от качки, вся посуда — вдребезги!

Через минуту рулевой-сигналыцйк уже возился возле плиты — решил помочь коку. Белая накрахмаленная куртка вскоре стала такой, словно ее тблько что вынули из воды. Но Хреетинин не замечал этого. Вот где пригодилось приобретенное до службы' кулинарное мастерство!

Все удивились, когда в трудном подводном походе, в шторм,

на обеденных столах подводников появились аппетитные кусочки самого настоящего торта, точно такого же, как продаются в кондитерских на улице Горького в,Москве или же на Невском в Ленинграде. Во всяком случае, это утверждали в тот день все члены экипажа.

Хреетинин находился еще на камбузе, когда лодка начала срочно всплывать. Привыкший «чувствовать» корабль, Михаил понял: случилось что-то неладное. И мгновенно бросился к себе, в центральный. Опасения его подтвердились: заклинило носовые горизонтальные рули. Значит, лодка не может маневрировать на глубине, не может погружаться.

— Видимо, что-то с втулками, — проговорил старшина.

Штурман оглянулся. По его взгляду рулевой понял, что не ошибся. А офицер спросил:

— Как вы, Хреетинин, чувствуете себя после вахты и камбуза?

—- Я готов, товарищ капитан-лейтенант! — ответил моряк.

Захватив инструмент—■.молоток, зубило, моток проволоки, —старшина, быстро поднимается по трапу. Он понимает: надо спешить,, надо побыстрее восстановить боевую готовность корабля. На палубе ударил в лицо, влажный океанский ветер, окатил брызгами.

— Держитесь, старшина! — предупредил капитан-лейтенант. Он и еще один рулевой находились рядом с Христининым — страховали его, подавали инструменты.

Осмотрел старшина рули — нелегко будет справиться с заданием. Работа сложная. Но о своих впечатлениях говорить офицеру не стал. Доложил коротко, стараясь пересилить вой ветра:

— В неисправности разобрался. Разрешите приступать?

Волны перекатывались через палубу, ударяли в лицо. Пусть злится, шумит океан! Старшина рас-счи-' тал: каждая очередная волна накатывается как раз после того, как он успевает сделать пятый или шестой удар молотком. Значит, к моменту наката надо успеть вцепиться руками в какой-нибудь выступ на палубе.

Вахтенный офицер с тревогой смотрел, как огромная волна лениво, словно играя, приподнимала вверх тело моряка, но так и не сумев оторвать человека от металла, лишь перекидывала его ноги на другой борт.

Наконец, готово! Снова лодка уходит на глубину. В центральном посту Хрестинин говорит кому-то весело:

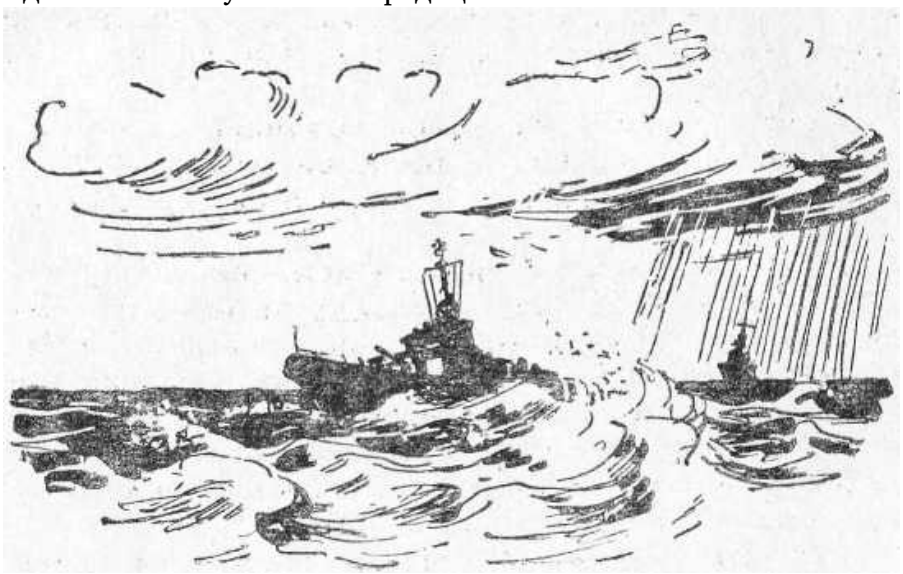
— Хороший душ был. И очень кстати после камбуза!

Вахтенный офицер улыбнулся. Он склонился над журналом и записал: «Шторм 7—8 баллов. Для устранения неисправности рулей на носовую надстройку послан старшина 1 статьи

Хрестинин». Затем вновь проставил время и закончил: «Неисправность устранена».

Конечно, скупые строки официального документа не могут раскрыть всей сущности большого и мужественного поступка Михаила Хрестинииа. Зато об этом хорошо знают члены экипажа.

Старшина получил предписание отбыть на другой корабль, на повышение. Позади крепкие рукопожатия, дружеские напутствия. И теперь Михаил сидит на пирсе; ожидая оказии, вместе с матросами плетет 38 мат: пусть это нехитрое изделие моряцких рук останется на лодке, где прослужил рулевой несколько лет. Много, очень много вложил он сил и старания в общее дело борьбы за отличный корабль. Об этом будут долго помнить товарищи, об этом обязательно узнают и молодые матросы, которые впервые вступят на омытую волнами палубу подводной лодки. Уж такая у экипажа традиция.



СЧАСТЛИВОГО ПЛАВАНИЯ!

Туман, снежные заряды, хаотические течения— злейшие враги мореплавателя. Встречаясь с ними, ведя с ними борьбу за точность пути корабля, штурман не знает ни она, ни отдыха. Сколько бы ни находился корабль в море, офицер вынужден вести непрерывную кропотливую работу-— наблюдать, рассчитывать, взвешивать массу самых различных обстоятельств, давать им толкование, исходя из своего опыта, практики.' Ну, а если никакого опыта нет? Если штурман ' молодой лейтенант, «пла-40

вал» лишь в (навигационном кабинете училища, по морям, изображенным на картах? Где уж тут говорить о покое...

Капитан 3 ранга Максимов, командир малого противолодочного корабля, с беспокойством смотрит на худые

плечи припавшего к пеленгатору лейтенанта Ижболдина.

Ничего не скажешь, думает командир, старательный он офицер. Вот уже вторые сутки мечется между мостиком и штурманской рубкой — пеленгует какие-то неопознанные, затянутые дымкой вершины, целится секстаном в солнце, которое изредка появляется между -тучами. Осунулся штурман, глаза горят лихорадочным огнем. Но можно ли полностью положиться на этого не окрепшего еще юношу?

Сгущаются сумерки. Корабль резко меняет курс. Теперь ветер в корму. 0.н приносит на мостик запах дыма от дизелей. Максимов поглядывает на командира дивизиона. По еле уловимым признакам определяет— тоже неспокойно на душе у комдива. То глубину запросит у штурмана, то спустится в рубку, посидит у радиопеленгатора. Вот провел комдив на карте тонкую линию, «прошагал» по ней циркулем-измерителем. , Где-то совсем уже недалеко должен быть берег.. Все моряки безошибочно, каким-то «нюхом» чувствуют его приближение...

На потертой, сложенной па 'маленьком столике вчетверо карте, линия курса проложена Ижболдиным несколько левее песчаной отмели. Лейтенант ставит над, этой линией,дробное число: вверху-—момент по часам, а, внизу — отсчет лага.

— До по-ворота осталось пять минут!,— докладывает он и тут же предупреждает сигнальщика:—Смот-

рите внимательно — справа по курсу должен открыться огонь поворотного буя...

— Ничего в этом киселе не разберешь, — проворчал вполголоса старшина 2 статьи. Он хотел было еще что-то добавить, но вдруг умолк. Лицо моряка вытянулось.

— Сигнал «веди»! — громко доложил сигнальщик.—Передан по линии с концевого корабля!

— Стоп машины! Удержаться на месте! — приказал командир дивизиона.

«Веди», «курс ведет к опасности» — так переводится этот сигнал на обычный язык.

— Уточните место корабля! Проверьте прокладку! — приказал комдив Максимову.

Корабль встал. Шевелилась на мачте антенна локатора. Шумели в штурманской рубке приборы. Измерял глубину эхолот, ловил какие-то ориентиры радиопеленгатор...

— Товарищ капитан 3 ранга, — обратился лейтенант к командиру дивизиона. — Ручаюсь за точность прокладки. Я двое суток не покидал мостика!

Голос молодого офицера сорвался. «Еще расплачется»,— мелькнуло у комдива. Но нет, взгляд воспаленных от бессонницы

глаз был тверд.

— То, что вы не покидали мостик,—еще не доказательство точности прокладки, — сухо ответил комдив.— Запросите места у кораблей дивизиона.

Через несколько минут сигнальщик начал прини-. мать координаты: «Широта... Долгота...» Командир дивизиона сам наносил точки на карту. И все они, как назло, были несколько правее курса, проложенного Ижболдиным. Продолженные за этими точками линии 42

курсов сразу же упирались в злополучную песчаную отмель.

— Что вы теперь скажете, лейтенант? — спросил комдив, сделав ударение на слове «теперь».

— Я догадываюсь, какую они допустили ошибку, — заторопился, волнуясь, Ижболдин. — Полная вода была... Дул ветер одного направления...

Лейтенант восстанавливал в памяти события двух минувших дней, производил на листе бумаги расчеты по сложным формулам. Он торопился убедить командира дивизиона.

— Признаться, в душе я согласен с ним, —встал вдруг капитан 3 ранга Максимов: — Я пристально следил за прокладкой. Вот мое последнее определение, — офицер ткнул тупым концом измерителя в карту. — Оно почти совпадает с вашим, Ижболдин. И все-таки мы отвернем влево. Раз возникло сомнение у штурманов других кораблей — наш долг принять все меры предосторожности. А в базе, на разборе похода, установим, кто прав.

После возвращения из похода в уютный береговой кабинет явились все штурманы с картами. У комдива нанесена на прозрачную кальку точная прокладка за весь поход. Он поочередно накладывает ее на карты, и сразу же видны все отклонения от нормы. Прокладка Ижболдин а оказалась самой точной, самой безукоризненной.

— Поздравляем! — пожимают лейтенанту руку комдив и капитан 3 ранга Максимов.

Когда Ижболдин заканчивал штурманский факультет высшего военно-морского училища, он сам стал проситься на «малыши» — малые противолодочные корабли. Не на эсминец или сторожевик, где

штурманская рубка—целая лаборатория. Пытливый юноша, увлекавшийся математикой, физикой, теоретической механикой, любивший исследовать, изобретать, хотел начать службу именно на МПК с его небогатым, упрощенным штурманским оборудованием.

— Тем интереснее, тем больше простору для применения

профессионального мастерства, — объяснял выпускник свое желание.

Просьбу его удовлетворили.

И вот лейтенант на корабле, который в небольшой шторм бросает, как щепку, так, что и прокладку порой вести невозможно. Плавать чаще всего приходится вблизи берегов, когда нет никакой необходимости браться за секстан и определять свое 'место астрономическим способом. Даже пеленговать радиомаяки незачем.

Но лейтенант Ижболднн, несмотря на шторм, при первой же возможности измеряет высоты светил, не упускает возможности уточнить место корабля с помощью радиопеленгов. Часто делает он это просто для практики. Особенно тщательно изучал лейтенант театр — зарисовывал приметные ориентиры, фотографировал их, пеленговал. Все это накапливалось в объемистом, любовно сделанном штурманском альбоме.

Многие штурманы, в особенности молодые, не задумываются подчас над своими ошибками. Получат счислимое или обсервованное место — продолжают курс. И вдруг через некоторое время оказывается, что прежнее место было ошибочным. Получается большая невязка. «Ну и что же? — рассуждают такие штурманы. — Опасностей поблизости не было, неточность не превышала нормативной, установленной прави-44 ла-ми штурманской службы. Зачем же ломать над ними голову?». А Ижболдин взял себе за правило: тщательно анализировать каждую ошибку. Он кропотливо исследует причины, порождающие неточности.

Вернулся как-то корабль из похода. Устал штурман, глаза слипаются. Но отдыхать рано: есть еще много неотложных дел. Лейтенант идет в штурманскую рубку и склоняется над столом. Все, казалось бы, учитывал правильно. Но раз появилась невязка почти в милю — значит, где-то допущен промах. Но где?

Ижболдин решает выяснить, какую ошибку могла дать неточная работа рулевого. Затем вычисляет, как могло повлиять на точность места изменение осадки,— ведь ветер был крепкий и облегченный корабль сносило больше, чем обычно. Проверяет еще раз правильность учета течения. В руках Ижболдина появляются то логарифмическая линейка, то циркуль и транспортир, то навигационные пособия. И, наконец, причина ясна: переоценено течение и недоучтет ветровой дрейф. Полученные выводы офицер записывает в тетрадь наблюдений. Уж если попадет он снова в тот самый район, ошибки не'будет!

Вызывая на соревнование своего друга Сиррима Мазитова, Ижболдин выдвинул одним из условий: во всех походах

добиваться повышенной точности кораблевождения. В чем же сущность этого предложения?

Прошел, к примеру, корабль несколько десятков миль. Воздействовали на него встречные и попутные ветры, различные течения. Начинает штурман определять место. И дается ему при этом норматив, из-

вестная мера точности — место корабля он может определить с какой-то допустимой погрешностью. Но может ли штурман избежать этой ошибки или хотя бы уменьшить ее? «Да, может!» — доказывает Ижбол-ди'Н. Для этого нужно вести неутомимую работу: внимательно наблюдать, запоминать, анализировать.

Офицер-коммунист первым взял обязательство: водить корабль только с высокой точностью, перекрывать нормативы!

— Есть резерв в этом деле, — утверждал Ижбол-дин.— Добиваться отличной выучки моряков, от которых зависит точность кораблевождения: рулевых, ведущих корабль по заданному курсу, мотористов, выдерживающих нужное число оборотов машин. Штурманский электрик обязан обеспечить безотказную работу всех электронавигационных приборов, своевременно и без ошибок определять их поправки.

Штурману-противолодочнику часто приходится вести прокладку не только за себя. Трудится он и за «противника», прокладывает на карте его курсы, следит за его маневрами. Сложная это задача! Когда «красные» и «синие» возвращаются в базу, штурман подразделения старший лейтенант Панферин собирает у подводников, изображавших в море «противника», кальки их маневрирования. Начинается сравнение с прокладками, выполненными штурманами противолодочных кораблей за «противника».

Впервые, когда калька подводников легла на карту Йжболдина и все линии двух прокладок совпали, присутствовавшие при этом развели руками. «Вот это угадал!» — раздались возгласы. Но так повторилось и во второй раз, и в третий. Стало яоно, что не угадывает лейтенант курс лодки, ее скорость и 46 повороты, а определяет его с помощью очень точно произведенных наблюдений.

Первый год служит на корабле Том Константинович Ижболдин, но сейчас он уже один из лучших штурманов дивизиона.

— До сих пор,'—говорит командир корабля капитан 3 ранга Максимов, — я как-то считал, что первый год службы — это год неизбежных ошибок, промахов, на которых человек учится, набирается опыта. А вот служба Ижболдина убедила, что и на первом году офицер может зарекомендовать себя как вполне

сложившийся специалист, заслуживающий не меньшего доверия, чем его маститые коллеги.

Хорошо начал свой путь штурман лейтенант Ижболдин. Счастливого ему плавания!.

Впереди пограничных застав .....

Стр.

- '2" 19 28 40

Разведчик морских глубин .....

У послушного руля.....

Счастливого плавания! .....

Николай Григорьевич БЕЛОУС ФЛОТСКИЕ БУДНИ

Очерки

Художник А. ЩИКИН Главный редактор Ф. Царев Литературный редактор Ж. Фомина Художественный редактор Л. Шканов Технический редактор Ю. Гончаренко Корректор Е. Мирошниченко

Мрес редакции: Москва, А-33, ул. Верхняя Масловка. 73

Г-80396 Сд. в набор 3.11.62 г. Поди, к печ. 1.Ш.62 г. В печ. л. 55000 тип. зн. Бумага 70 X 1084,, г = 1,5 печ. л. 2,05 уел. печ. л. Цена 5 коп. Зак. 59

1-я типография

Военного издательства Министерства обороны СССР Москва, К-6. проезд Скворцова-Степанова, дом 3

Цена 5 коп.